

Ἰμαίου ὄρους, Σκυθία ἢ ἐκτός Ἰμαίου ὄρους, Ἰνδική ἢ ἐκτός Γάγγου ποταμοῦ καὶ οἱ Σῶναι. Καὶ αὗται μὲν εἰσὶν αἱ ἐπαρχίαι Ἀσίας.

Τῆς δὲ Εὐρώπης αὗται ἡ Σαρματία ἢ ἐν Εὐρώπῃ, εἶτα ἡ Μαιώτις λίμνη, μετὰ ταῦτα ἡ Ταυρικὴ Χερρόνησος⁸, ἐν ἧ ὁ Καφὰς καὶ τὸ Σύμβολον, εἶτα Δακία⁹, εἶτα Μυσία, εἶτα Θράκη, ἐν ἧ τὸ Βυζάντιον, εἶτα Μακεδονία, ἐν ἧ ἡ Θεσσαλονίκη, εἶτα Βοιωτία, μετὰ ταῦτα ἡ Πελοπόννησος, εἶτα ἡ Ἀκαρνανία καὶ μετ' αὐτὴν ἡ Ἠπειρος, ἐν ἧ ἡ Ἄρτα μετ' αὐτὴν μέρος Μακεδονίας, ἐν ἧ ὁ Αὐλών, εἶτα ἡ Ἰλυρίς, ἐν ἧ ἡ Ἐπίδαυρος ἤγουν τὸ Δυρράχιον, εἶτα ἡ Δαλματία, ἐν ἧ ἡ Ἐπίδαμνος ἤγουν τὸ Ῥαούζιον¹⁰. τὰ δὲ περὶ αὐτὸ ὄρη Κεραύνια λέγεται· εἶτα ἡ Ἰταλία, ἀρχομένη ἀπὸ τοῦ Μεσάκτου, ὃ καλεῖται Μέσακτον τέλος Ἰταλίας, καταλήγουσα μέχρι Γένουας εἶτα ἄρχεται ἡ Ἰβηρία ἥτις μερίζεται εἰς ἐπαρχίας τρεῖς· εἰς Παρακονησίαν καὶ Ναρβονησίαν καὶ Λυγδουνησίαν· μετὰ ταῦτα ἄρχονται αἱ Γαλῖαι· καὶ ἐστὶ Γαλία Ἀκουιτανία καὶ Γαλία Κελτικὴ· εἶτα ἐστὶν ἡ Δευτέρα Γερμανία πλησιάζουσα τῷ Ῥήνῳ, καὶ μετ' αὐτὴν ἡ Μεγάλῃ Γερμανία· εἶτα Γήπεδες ἦτοι Οὐγγροι. Рукопись, видимо, не закончена: далее следуют чистые листы.

А. Каждан

J. M. HUSSEY. THE BYZANTINE WORLD.

London, Hutchinson's University library,
1957, p. 191

Книга профессора Лондонского университета Дж. М. Хассей, в отличие от других сводных работ, характерных для западного византиноведения последних лет, невелика по объему. Но своеобразие книги заключается не только в этом. Само заглавие работы „Византийский мир“ — сразу же говорит о стремлении автора дать не строго последовательное изложение византийской истории, а нарисовать общую картину жизни византийского общества. Естественно, что такая структура книги позволила ее автору свободно располагать накопленные им данные и факты, а следовательно, отчетливо отразить свой принцип исследования, и особенности своей трактовки истории Византии. Вот почему читатель раскрывает книгу Хассей с вполне обоснованным интересом.

Первая часть работы, излагающая собственно историю империи, распадается на четыре главы: „Византийская империя формируется — 324—717“, „Средневековая Римская империя — 717—1056“, „Коренные перемены — 1025—1204“, „Столкновение Востока с Западом — 1204—1453“. Следует хотя бы кратко остановиться на том, как автор освещает вопросы политической истории.

Исходным пунктом истории Византии Хассей считает перенесение столицы в Константинополь, после чего начинается борьба империи с внешними врагами. Эту борьбу Хассей считает чрезвычайно важной для всего будущего развития государства. В отличие от многих других историков, автор особо выделяет роль Маврикия. Это внимание автора к роли исторических деятелей характерно для работы в целом. Война с персами, которую Маврикий успешно закончил, и реорганиза-

⁸ Ms. Χερρόνησος

⁹ Ms. Δακεία

¹⁰ В рукописи явная ошибка: в действительности Диррахий — это древний Эпидавр, а Рагуза (Дубровник) — древний Эпидавр. Однако мы не исправляем текста, так как неясно, принадлежит ли ошибка автору или переписчику.

ция италийских областей дают этому императору, по мнению автора, право на выдающееся место среди византийских правителей. „Если бы Маврикий построил еще св. Софию и издал Корпус гражданского права, возможно, мы могли бы говорить об эпохе Маврикия, а не Юстиниана“ (стр. 23). В борьбе с арабами значительную роль Хассей отводит Ираклию и его потомкам — „Династии Ираклия“ (стр. 28).

Но необходимо подчеркнуть, что внимание автора не полностью приковано к историческим личностям крупного плана. Последующее изложение политической истории Византии автор нередко старается связать с характеристикой состояния материальной базы государства. Так, многие явления политической жизни страны в VII—VIII вв. осмысливаются автором в связи с тем, что после потери восточных провинций, захваченных арабами, большое значение начинает приобретать Малая Азия — будущий источник материальных богатств и людских резервов империи. Или несколько дальше: охарактеризовав налаженную систему местного управления и сильный центральный аппарат, Хассей добавляет к этому вывод о том, что в VIII—IX вв. начинается новый подъем византийской торговли. Именно на этой основе начинается, по ее мнению, дальнейший расцвет страны.

Интерес представляет характеристика отношений Византии с ее соседями. Вполне определено, хотя и предельно кратко, отмечается, что славянские племена, проникшие на Балканы, надолго сохранили свою независимость. Более детально разобраны отношения со славянами и экспансия Византии на Восток в IX—XI вв. Справедлив вывод Хассей о том, что Русь никогда не находилась под контролем Константинополя (стр. 41). Характерно, что причиной неудач, начавшихся для империи в XI в., автор считает не только появление могущественных внешних врагов — норманнов и турок, но и тот факт, что их появление совпало с ростом власти земельных магнатов и последующим ослаблением центрального управления.

Рост крупного землевладения Хассей отмечает как важнейшую черту эпохи Комнинов. Опираясь на крупную земельную аристократию, Комнины начинают перестройку прежней системы обороны, отныне базирующейся на прониальном землевладении (стр. 55). Впрочем, несмотря на эту перестройку, основные принципы византийской внешней политики остаются без существенных изменений. Так, Малая Азия по-прежнему считается оплотом империи, и правительство Комнинов не решается вызывать военные инциденты на ее границах. Именно по этим причинам, полагает Хассей, Комнины не смогли поддержать идею крестового похода против Сирии и Палестины: это значило бы открыть малоазийскую границу для внешних врагов. Такова новая точка зрения, которую предлагает Хассей для того, чтобы объяснить позицию византийского правительства по отношению к крестовым походам. Тем не менее, утверждает автор, византийская политика оказала благоприятное влияние на ход Первого крестового похода, так как благодаря ей крестоносцы благополучно пересекли Малую Азию, и все сведения о том, что греки предали крестоносцев, следует отнести за счет злых языков вымыслов, распространившихся старым врагом империи — Бозмундом (стр. 57).

Хассей подробно останавливается на попытках сколотить в XII в. союз двух империй — византийской и германской — и с горечью отмечает, что эти попытки не увенчались успехом: Комнины встретили слишком много врагов. После смерти Мануила особенно отчетливо стали проявляться основные тенденции XII в. — проникновение латинян

в империю и усиление крупного землевладения. Как известно, и тот и другой процесс вызвали к жизни крупнейшие события византийской истории конца XII в. — разгром латинских купцов в 1182 г. и воцарение Андроника Комнина. К сожалению, характеристике событий 1182 г. автор посвящает всего одну строку, опускает и анализ их причин и описание последствий. Деятельность Андроника Хассей рисует значительно более подробно. Правда, она с осуждением относится к методам, применявшимся реформатором, и отрицательно оценивает результаты его мероприятий: погубило множество военных вождей, чья служба была так необходима империи. Однако в целом деятельность Андроника изображена как закономерное следствие происходивших в обществе процессов. Попыткам Андроника не только искоренить латинские элементы, но и усилить центральную власть путем отеснения военной аристократии предшествовало широкое распространение прониции в империи и засилие крупных землевладельцев в политической жизни.

История последних столетий существования Византии содержит характеристику лишь наиболее важных событий. Автор отмечает все возрастающую зависимость центрального правительства от местной феодальной знати и рост недовольства народа религиозной и фискальной политикой правительства.

Таковы наиболее существенные черты в очерке политической истории Византии, предпринятом Хассей. Эта история занимает первый план в книге, но она не исчерпывает всего ее содержания. Автор стремится уловить закономерности общественного развития, и в некоторых местах она специально останавливается на этой проблеме.

Первый важный этап развития общественных отношений в Византии — это усиление сельской общины, общины Земледельческого закона. Хассей правильно датирует этот процесс и находит закономерную связь между ним и развитием стратиготского землевладения в рамках феодальной системы (стр. 25 и 141). Быт деревни иллюстрирован у Хассей, к сожалению, лишь несколькими штрихами, заимствованными из Земледельческого закона. Вместе с тем она подробно останавливается на положении сельских священников (*secular clergy*). Внимание к этой категории населения определяется у Хассей ее общим интересом к роли духовенства в византийском мире. Но в данном случае характеристика положения сельских священников помогает воссоздать общую картину византийской деревни, ибо низшее духовенство по своему уровню жизни мало отличалось от крестьян.

Автор останавливается и на формировании феодальных отношений в Византии, но рассматривает этот процесс несколько односторонне. Так, в книге отмечен массовый переход крестьян под власть крупных землевладельцев (стр. 141), но Хассей интересуется этим процессом в первую очередь потому, что он снижал обороноспособность империи. Значительно более подробно рассматривается прониция, оцениваемая как пожалование земли в попечение (*care*) на определенный срок. Функции прониара автор осторожно определяет как право управлять и взимать налоги, отказываясь высказать свое суждение о том, имел ли прониар реальные права собственности на пожалованную землю¹ и был ли

¹ Г. Острогорский, например, считает, что право распоряжаться землей прониара сохраняет за собой государство (см. Г. Острогорский. Пронија. Београд, 1951, стр. 45—47), но в то же время прониция не была исключительно правом собирать налоги, каким был солемний (там же, стр. 48). А. П. Каждан, напротив, склонен считать, что прониция возникла как право на определенную долю податей, лишь впоследствии постепенно превратившись в право на землю (А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии в XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 223).

он обязан военной службой². Очень неполно характеризуется в работе и система иммунитета, рассматриваемая автором преимущественно как обязанность крупных земельных собственников самим собирать налоги и передавать их в казну (стр. 95). Таким образом, роль иммунитета как одного из важнейших орудий закабаления феодалами крестьян, к сожалению, остается нераскрытой. Тем не менее следует отметить, что при всей неполноте и краткости своих суждений о феодализме Хассей совершенно правильно высказывает одно принципиально важное соображение, а именно, что „византийский феодализм был продуктом ее собственного развития и не был перенесен с Запада“ (стр. 59).

К сожалению, социальные движения византийского средневековья освещены автором еще более скупо. Хассей не упоминает ни о восстаниях в столице (даже о таком, как „Ника“), ни о народных движениях в провинции (например, о восстании зилотов). Единственным исключением является богомилство, к характеристике которого автор возвращается несколько раз. Отрадно отметить, что Хассей не только рисует это движение относительно подробно, но и старается избежать одно-сторонности в его освещении — она находит в богомилстве, помимо религиозных, также и социальные, экономические и политические аспекты (стр. 109).

Много внимания уделяет Хассей воссозданию быта византийского общества, описанию жилищ, одежды, продуктов питания, уровня „социального обеспечения“ (глава „Повседневная жизнь“). Хассей совершенно правильно указывает, что материала для подобных хозяйственно-бытовых очерков у историков пока еще недостаточно, но в то же время нельзя не заметить, что она сама не до конца использует те источники, которые имелись у нее в руках. Так, обещая обрисовать жизнь общества вплоть до скромных деревенских хижин (стр. 132), автор привлекает лишь материал, почерпнутый в хрониках, составленных придворными летописцами, а на жития святых — источник, который содержит максимум свидетельств о положении народных масс, — автор ссылается лишь для доказательства религиозности византийцев. Поэтому создается впечатление, что бытовая характеристика византийского общества приобретает у Хассей несколько одностороннее направление.

Более обоснованы экскурсы автора в историю византийской торговли. Она приводит к выводу, что в VIII—IX вв. намечается новый подъем торговли, который делает возможным дальнейшее усиление государства. Хассей останавливается на проникновении итальянского торгового капитала в Византию и стремится отыскать экономические мотивы захватов крестоносцев на территории империи. Дополнительную черту вносит работа и в понимание событий, последовавших за Четвертым крестовым походом: автор подчеркивает, что крестоносцы сделали в Византии не только кратковременные территориальные, но и прочные экономические приобретения, и указывает в этой связи на захват итальянскими купцами квасцовых рудников в Фокие и шелковых мастерских в Фивах (стр. 74).

² По мнению Ф. И. Успенского, прония была вознаграждением за военную службу (Ф. И. Успенский. Значение византийской и южнославянской пронии. — Сборник статей в честь В. И. Ламанского, СПб., 1883, стр. 29). К этому же мнению, в свое время оспаривавшемуся П. Муфтачиевым (П. Муфтачиев. Войнишки земи и войници в Византия. — Списание на Бълг. Академия на науките, XXVII, 1923), в последнее время вновь вернулся Г. Острогорский (ук. соч., стр. 23, 58).

Во многих главах книги автор настойчиво подчеркивает ведущие идеи работы. На них следует остановиться. Хассей убеждена в том, что традиции римской империи и культура эгейского мира без каких-либо изменений перешли в раннюю Византию (стр. 23). Впоследствии автор развивает это положение, утверждая, что, несмотря на славянские вторжения и потрясения VII в., греки не потеряли ни традиций, ни своего языка, а отражение арабской опасности означало для Византии прежде всего сохранение связи с Поздней Римской империей (стр. 27). Хассей, правда, оговаривает, что речь идет прежде всего о культурной преемственности. При этом заслуживает внимания тот факт, что у Хассей византийская культура представляет не пассивное усвоение греко-римской, а выступает в качестве явления живого и органического (стр. 175). Характерна и другая черта. Хассей подчеркивает взаимосвязь византийской культуры и духовных ценностей, созданных на Востоке. Неоднократно на протяжении книги Хассей возвращается к утверждению, что по своему культурному облику Византия была гораздо ближе к Востоку, чем к Западу. С Востоком контакт был традиционным и уважение взаимным, здесь было налицо явное взаимопроникновение культур (стр. 166).

К положениям, имеющим принципиальное значение для характеристики общей методологии автора, относится и его оценка деятельности и роли византийского государственного аппарата. Хассей подчеркивает достоинства системы управления, которые, по ее мнению, с успехом искупали недостатки отдельных правителей (стр. 35). Автора поражает активность, проявленная государственной властью с середины IX в. до смерти Василия II, и ее способность проводить непрерывные реформы (стр. 43); она считает административную машину (*administrative machinery*) главным средством защиты и расширения границ империи. Жаль, что при этом, если не считать беглых замечаний о борьбе между гражданской и военной администрацией (стр. 47), не ставится вопрос о социальной природе государственной власти, и это, конечно, обедняет работу. Кроме, того, поскольку автор предпринял специальную оценку государственного управления, книга должна была бы включать и ответы на некоторые неизбежно возникающие в этом плане вопросы, например на чрезвычайно существенный вопрос о связи между развитием феодальных отношений и усилением централизованной византийской державы в IX—X вв.

Наконец, нельзя не обратить внимания еще на одно основное положение, особенно настойчиво подчеркиваемое автором во второй половине книги. Речь идет об оценке автором роли христианства в истории Византии. Хассей всячески стремится создать представление, будто христианство было самым важным элементом „византийского мира“. „Церковь пронизывала жизнь народа, ее благословения искали во всех формах деятельности...“ (стр. 113). Нетрудно найти объяснение подобной позиции автора: она предопределена ее предшествующими исследованиями в области церковной истории³. Убеждение Хассей в том, что деятельность церкви имела для Византии решающее значение, и определила ее идеалистический подход к освещению многих вопросов византийской истории⁴. Согласиться с такой концепцией исторического развития советский читатель, естественно, не может.

³ J. M. Hussey. *Church and learning in the Byzantine empire*. Oxford, 1937.

⁴ Этим, видимо, объясняется и подбор источников, на которые ссылается автор. Достаточно сказать, что творения отцов церкви цитируются по многу раз (особенно повезло в этом отношении Иоанну Дамаскину: на его трудах автор останавливается

Следует отметить и еще некоторые недостатки рецензируемой работы. Так, при том, какое место занимают в книге вопросы культуры, естественно было бы ждать, что в поле зрения автора окажется и проблема народной культуры. С чувством сожаления приходится отметить, что этого не произошло. Досадным кажется и тот факт, что автор забыл высказать свое мнение о роли монастырей в экономике и общественной жизни страны, в то время как особенностям монастырских уставов и правилам вступления и выхода из монастырей посвящена чуть ли не целая глава (VII). Правда, Хассей упоминает об институте харистикия, но не склонна сблизить его с пронией и не пытается дать ему какое-либо социальное объяснение. Точно так же *автодеспотия* рассматривается исключительно как административная льгота, но не как институт, способный сыграть известную роль в отношениях феодала с крестьянами⁵. Автор вообще не останавливается ни на положении зависимых монастырских крестьян, ни на состоянии монастырского землевладения. И это тем более жаль, что одна из важнейших проблем византийской истории — проблема феодальной эксплуатации — может быть решена, как известно, только с помощью грамот о монастырском землевладении. Нужно ли говорить, насколько это обедняет работу Хассей? Не остановился автор и на социальных отношениях в среде самого монашества, хотя имеющийся материал позволяет сделать интересные наблюдения. Известно, что в западноевропейских монастырях широко применялся труд низшего монастырского персонала — „конверсов“⁶. Было ли что-либо подобное в Византии? Этот вопрос был бы вполне естествен в книге Хассей, тем более что источники X—XII вв. содержат множество свидетельств по этому поводу, и, на наш взгляд, дают возможность правильно его решить. Данные „типиков“ свидетельствуют, во-первых, о глубоких материальных различиях, сохранявшихся между монахами и выразившихся в различных нормах *σικτρεσιον* — довольствия, выдававшегося инокам⁷, а во-вторых, о существовании в монастырях прослойки младшей братии, именовавшейся в источниках послушниками (*μαθηται*) или служителями (*διακονηται*) и выполнявшей в обителях полевые работы⁸.

восемь раз), в то время как материал актов и жалованных грамот, даже относящихся к истории монастырей (собранных у Ж. Руйяр), использован далеко неполно.

⁵ Уже П. А. Яковенко пытался рассматривать автодеспотию в связи с развитием иммунитета (П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии. Юрьев, 1908, стр. 11). По нашему мнению, автодеспотия является одним из первых элементов складывающейся монастырской экскуссии (М. М. Фрейденберг. Экскуссия в Византии в XI—XII вв. — УЗ Великолукского пединститута, вып. 3, 1957, стр. 343).

⁶ Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии. М., 1947, стр. 449.

⁷ Монах, управлявший монастырем св. Или, получал в год в качестве довольствия 30 модиев хлеба, 50 мер вина, 6 модиев овощей и 6 номисм „на приварок“ (1106, Лавра, 18.31). Богатый даритель Константин Экзотрох, вступивший в обитель, получал 20 модиев хлеба, 3 модия бобов и 1 модий миндаля (1197. MM, VI, 135.5), в то время как рядовые монахи лавры Афанасия получали в год всего 5 модиев хлеба (970. Ph. Meyer. Die Haupturkunde für die Geschichte der Athosklöster. 1894, 115.8). Игумены монастыря Иоанна Богослова на о-ве Патмос получали в полтора раза больше хлеба и вина, чем рядовые монахи (1157. MM, V, 31.5).

⁸ О *διακονηται*, занятых работой на монастырь, сообщают монастырские уставы (А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока, т. I, Киев, 1895, стр. 737. 14; MM, V, 414. 12.). В некоторых из них упоминается, что диаконы получают довольствие наравне с мистиями (MM, V, 414. 14.). О них упоминает и житийная литература (Acta Sanctorum Novembris, III, p. 525. C., 537. В—Д., 561. А.; Православный Палестинский сборник, XVII, стр. 22. 18), и авторы трактатов (Eustathii Opuscula, ed Tafel, Francofurti, 1832, p. 242. 45, 243. 55—58).

В конце книги приложен список трудов по византиноведению, вышедших за последние 25—30 лет и учтенных автором. Бросается в глаза полное отсутствие в этом списке произведений советских авторов и авторов-марксистов других стран.

Оценивая книгу в целом, мы должны еще раз подчеркнуть, что идеалистическая концепция автора, видящего в христианстве один из основных факторов исторического развития, составляет ее идейный базис. Но самым характерным в книге является все же не это. Показательно то, что Хассей не ограничилась только вопросами политической истории и истории развития культуры, но и проявила заметный интерес к проблемам экономической жизни и общественной структуры, более того, она выразила стремление к комплексному освещению этих вопросов и предприняла попытку (одну из первых в зарубежном буржуазном византиноведении) объединить их решение в едином историческом очерке.

М. М. Фрейденберг

F. DVORNIK. BYZANTINE POLITICAL IDEAS IN KIEVAN RUSSIA.

**Dumbarton Oaks Papers № 9 and 10. Harvard University Press.
Cambridge, Mass., 1956, p. 71—121**

В современной западноевропейской и американской историографии Византии сравнительно большое место занимают работы, посвященные истории византийских политических идей в средневековой Европе, и особенно в России. Причины такого повышенного внимания уже отмечались в нашей литературе¹. Рецензируемая статья известного католического историка церкви, профессора Гарвардского университета, относится к этому же ряду работ.

Ф. Дворник посвящает свое исследование выяснению значения византийских политических идей о соотношении священства и царства (т. е. светской и церковной власти), о божественном характере светской верховной власти для древней Руси X—XII вв. По мнению автора, „тщательное изучение влияния византийских политических принципов на политическое развитие Киева“ приводит к заключению, что многие византийские идеи были воплощены в политическом строе Киевского государства и что они стали основой дальнейшего развития России (стр. 76). Последняя фраза хорошо выражает всю направленность рецензируемой работы, которая как бы должна служить введением к истории воплощения византийских политических идей в период образования централизованного русского государства XIV—XVI вв.

Автор привлек довольно широкий круг источников как византийских, так и русских. Он рассматривает памятники византийского светского и церковного права, Стословец, приписываемый патриарху Геннадию, Изборники 1073 и 1076 гг., Хронику Георгия Амартола, церковный устав Владимира Святославича, сочинения митрополита Илариона, Луки Жидяты, монаха Иакова, Кирилла Туровского, Пчелу, сочинения митрополита Никифора и Владимира Мономаха. Автор знаком с основными исследованиями этих памятников, и в том числе русскими, изданными до 1918 г. Что же касается работ, вышедших в Советском Союзе, то

¹ С. М. Каштанов. Об идеалистической трактовке некоторых вопросов истории русской политической мысли в зарубежной историографии. — ВВ, XI, 1956, стр. 308 сл.